

К щекам приливает жар. Я встаю, расстегиваю мантию выпускника, присаживаюсь на место. Я просто плавлюсь от жары под этим торжественным одеянием.

— Мне неловко...

Он удивленно приподнимает бровь.

— Я забыла, как вас зовут, но раз уж мы рассказываем друг другу истории из своей жизни, думаю, лучше перейти на «ты» и обращаться друг к другу по имени. Ты точно не Ларри, может быть, Лу?

Он снова улыбается, смеется — такой хороший смех, негромкий, но глубокий, словно ему нравится смеяться, словно его легко рассмешить.

— Что ж, Роуз Наполитано, мой единственный на сегодня клиент, согласен, нам стоит звать друг друга по имени. И поскольку я твое уже знаю, ты тоже должна знать мое. — Он протягивает руку, и я ее принимаю. И кожей, всем телом ощущаю внезапный прилив сил. — Меня зовут Люк.

ГЛАВА 3

15 августа 2006 года

Роуз, жизнь I

Моя кисть так и повисает в воздухе. Вместо того чтобы отдать мне банку или взять меня за руку, Люк снова ставит витамины на тумбочку у кровати, где я обычно их и держу, пряча за стопкой книг, которая висится рядом с подушкой. Он молчит.

Я же хочу высказаться в свою защиту.

— Я пыталась, Люк, правда.

Роняю руку, оставляя вопрос мужа без ответа. Хочется забыть об этом, нагромоздить поверх другие слова, пока вопрос окончательно не сотрется.

— Но иногда от этих таблеток у меня болит живот, а ты прекрасно знаешь, когда я болею — не могу работать. Ни выступать на конференциях, ни проводить интервью для своих исследований. — Я жду, что муж поспешит мне на выручку, поможет выбраться из опасной трясины, куда затянула нас наша борьба.

Мы еще в силах все исправить. Мои глаза умоляют.

Люк колеблется — лишь секунду, — и на эту крошечную передышку я возлагаю надежду.

Но потом муж прищуривается:

— Мне надоело слушать про твою работу, Роуз. Я устал от разговоров о ней и о том, что из-за нее мы не можем завести ребенка.

И снова она выходит на поверхность. Наша неразрешимая проблема. Желание попытаться все исправить обращается в кучку пепла.

— Я не хочу ребенка вовсе не из-за своей работы, и ты это знаешь. Я не хочу ребенка, потому что никогда его не хотела, я имею право его не хотеть! Боже, Люк, почему нельзя любить свою работу? Что плохого в том, чтобы ставить ее на первое место? Что такого плохого во мне?! — огрызаюсь я.

— Ты обожаешь свою научную деятельность, и даже если бы у нас был ребенок, ты любила бы работу больше — вот что плохо. Главное, что ребенок всегда был бы

на втором месте. Да с чего я вообще взял, что все изменится?!

— Угу, а ты свою работу будто не любишь. Но тебе позволено ею болеть и наслаждаться сколько влезет, ведь ты мужчина!

Люк сжимает руками голову, локти торчат острыми углами.

— Хватит нести феминистическую хрень. Достало об этом слушать!

— А ты перестань повторять за своими родителями!

Люк упирает руки в бока, сжимая кулаки.

— Отлично. Надоело за тебя перед ними заступаться. Я стискиваю зубы.

Родители Люка хотели бы, чтобы он женился на другой женщине, приверженной традициям, которая отказалась бы от всего, лишь бы стать матерью. Для которой ребенок был бы важнее карьеры. Люк постоянно ссорится из-за меня с родителями, следовательно, и мы с ним все время ссоримся.

В прошлом году, узнав, что получу контракт¹ с университетом, я позвонила Люку прямо из своего кабинета. Муж тогда произнес правильные слова, вроде того, что вечером за ужином мы выпьем и отпразднуем это событие. Но вернувшись домой, я обнаружила, что Люк разговаривает с отцом. Он не слышал, как я вошла.

— Да, па, знаю, знаю... — говорил Люк. — Но Роуз...

¹ Пожизненный контракт профессора вуза без права увольнения администрацией. *Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика.*

Я замерла у не до конца закрытой двери — придерживала створку, чтобы та не хлопнула и Люк продолжал думать, что дома один.

— Да, знаю, но Роуз одумается. С ней все будет в порядке, когда она родит ребенка.

Последовала длинная пауза.

У меня заболела грудь, заболели ребра, заболело сердце. Окажись под рукой стакан, тарелка, что-нибудь бьющееся, я бы схватила это и расколотила об пол. Мне хотелось кричать.

Наконец Люк заговорил снова:

— Знаю, ты думаешь, что для нее на первом месте работа, но я уверен, ребенок все изменит. — Молчание. — Знаю, ты не согласен, но все же дай Роуз шанс. — Снова молчание, затем долгий разочарованный вздох и следом вспышка гнева: — Пап, хватит, а?

Из моей тяжелой, битком набитой сумки выпала книга и с грохотом ударилась об пол.

— Роуз! — крикнул Люк. — Это ты?

Я громко захлопнула дверь, делая вид, будто только что пришла.

— Да, я дома! Готова выпить по коктейльчику!

— Мне пора, пап, — сказал Люк.

К тому времени, как я ступила в гостиную, он уже повесил трубку и положил телефон на стол.

Люк пристально посмотрел на меня, а я посмотрела на него. Щеки у мужа покраснели.

— Привет! — Я постаралась радостно улыбнуться, чтобы всколыхнуть в душе то волнение, которое рвалось из меня весь день после получения новостей. Мне

хотелось вернуть это ощущение. Я чувствовала себя обманутой. Разговор Люка с отцом уничтожил мой миг торжества.

— Много ты слышала? — спросил Люк.

Я перестала растягивать губы в фальшивой улыбке.

— Достаточно. Слишком много.

— И как думаешь, что ты слышала?

Я опустила сумку на стул.

— Не надо так со мной, Люк. Я знаю, о чем вы говорили.

— Так расскажи мне.

— Очередной виток беседы, которую ты ведешь с родителями: раз я не хочу ребенка, значит, я плохая, неполноценная женщина и всегда такой останусь.

— Мы этого не говорили.

— Ну да. Еще я слышала, как мой муж не стал спорить с родителями и отказался им сообщить, чтобы отцепились от его семьи, а также прекратили хаять жену.

— Я защищал тебя.

— Да, но почему ты вообще должен за меня заступаться? Почему твои родители в принципе обсуждают наш брак? Это совершенно не их дело!

— Я стараюсь изо всех сил. Ты же знаешь, как они переживают. Это ведь мои родители, я их люблю!

— Что ж, ты знаешь, как я переживаю, я — твоя жена и люблю тебя! — Я рывком сорвала с шеи шарф и швырнула на стол.

Люк сделал глубокий вдох и выдох.

— Ты же знаешь, что и я тебя люблю.

Я сбросила туфли, они с грохотом ударились об пол.

— А еще ты сказал родителям, что я одумаюсь насчет ребенка.

Люк поднял шарф и начал складывать его, разглаживая тонкую ткань. Этот шарф — прошлогодний подарок мужа — был моим любимым. И вот Люк протянул его мне.

— Я просто пытался вынудить их оставить нас в покое, — тихо сказал он.

Я не взяла шарф. Вообще не шелохнулась.

— Роуз, пожалуйста... — начал Люк, — давай сегодня не будем. Нам нужно отпраздновать твою победу. Пойдем куда-нибудь ходим.

Мои глаза застывают, все тело каменеет — мускулы, клетки, конечности и в особенности щеки, — пока я стою и смотрю на мужа, обуреваемая чем-то похожим на ненависть.

Может, это и была ненависть. Ее первые уродливые семена. Семена, что станут расти, подобно лианам, пока мы оба не задохнемся.

— Что-то мне больше не хочется праздновать, Люк.

— Не будь такой...

— Какой такой — плохой? Сложной в общении? Злой?

Мой голос, тон повысился до крика. Мне хотелось просто стоять и орать. Испустить бесконечный вопль гнева, освободиться от заполонившего всю мою жизнь ощущения ловушки. Я хотела выплеснуть ярость, но сдержалась.

Вместо этого я, словно капризное дитя, отправилась в спальню и начала грохотать там дверцами шкафов и ящиками, передеваясь из рабочей одежды в спортивные штаны и толстые уродливые носки, больше похожие на тапочки.

«Вот тебе и поздравления!» — злилась я тогда...

— Это невозможно, — говорит Люк, нарушая тишину. — Ты невыносима.

Я наблюдаю, как муж проходит мимо меня из спальни, слышу, как он идет по гостиной, босые ступни шлепают по деревянному полу. Люк открывает одежный шкаф возле выхода. По пути обратно шум его шагов сопровождается гул колес, тихий и неумолимый. Чемодан.

Люк еще раз проходит мимо меня, таща чемодан за собой. Самый большой из всех наших. Как раз влез бы труп — так мы всегда шутили.

Люк останавливается у комода, где лежит его одежда — все сложено аккуратно, организовано, не то что в моих набитых битком ящиках. Хаотично свернутые комком пижамы и бюстгальтеры, мешанина шелка и атласа.

Люк поднимает чемодан на кровать, взвизгивает застежка-молния, я слышу, как руки мужа выдвигают деревянные ящики. Когда-то я обожала прикосновения этих рук, но то чувство давно угасло. Руки Люка берут стопки футболок, джинсов, трусов и складывают в открытый чемодан на колесиках. Муж опустошает второй ящик, затем третий, кладет носки, еще трусы, переходит к шкафу со свитерами и рубашками, пока в чемодане больше не остается места для одежды, для еще одной частицы Люка.

Он взял все, что смог унести.

Он так и не посмотрел мне в глаза.

Я перевожу взгляд на мою фотографию на прикроватном столике Люка.

На ней я смеюсь — голова откинута, рот приоткрыт. На толстом сером свитере и темных волосах искрится снег, потому что Люк секунду назад попал в меня снежком. Он сделал этот кадр в день нашей помолвки. Из всех моих фотографий Люк больше всего любит эту.

Сегодня он не касается ее, даже не смотрит.

Я думаю о других своих фото, снятых Люком, о нас, о том, как он превратил меня из человека, который не любит фотографироваться, в того, кто может этим наслаждаться. По крайней мере, когда за камерой Люк. Вспоминаю, как он впервые сфотографировал меня, как получасовая фотосессия растянулась на целый день — день, что перетек в жизнь.

И моя ярость и гнев начинают таять.

На свой выпускной я хотела преподнести родителям особенный подарок, нечто материальное, что можно повесить на стену, что станет поводом поговорить о моей докторской степени. Я выбрала Люка — его услуги стоили недорого, а студия находилась недалеко от моей квартиры. Во время фотосессии мы разговорились. Он пытался избавить меня от страха перед камерой и в итоге убедил рассказать ему истинную причину слез.

И я рассказала.

О том, как после защиты диссертации я переплела один экземпляр и подарила родителям. Они на нее посмотрели, прочитали название на обложке, тем все и кончилось. Мама нашла верные слова: «Что ж, Роуз, поздравляю тебя с огромным достижением. Теперь у нас в семье

есть целый доктор». Но за фразой скрывалось недоумение: мама не совсем поняла, каким именно доктором я стала.

Мои родители никак не могли взять в толк, зачем так стараться получить степень, ведь вполне хватило бы диплома университета. Моему отцу, плотнику, вообще-то и того не посчастливилось добиться. Мы с родителями были близки, регулярно виделись и общались, и все же докторантуру почти не обсуждали. Когда бы я ни начала делиться тем, что изучаю, особенно с мамой, она слушала с интересом, а потом ее внимание ослабевало, и мать смущенно говорила что-то вроде «Я и половины не понимаю, Роуз».

Я рассказала Люку, как люблю родителей, и как они меня любят, и как мне хочется, чтобы диссертация, которая стала важной частью моей жизни, нас еще сильнее сблизила, но связь пока остается туманной. Я мечтала стереть дистанцию между нами, потому и пришла фотографироваться в студию Люка, будто это способно уничтожить разрыв.

— У меня идея! — предложил Люк, когда я все же дошла до конца своей истории.

Взяв мою докторскую мантию, он повесил ее в шкаф, оставил шапочку на стуле и попросил отвезти его в университет, где я училась.

— Хорошо, — согласилась я, поразмыслив.

Почему бы и нет?

Стоял замечательный полдень, не очень ясный, прохладный и пасмурный, зато не было дождя.

Люк рассказал, что в облачную погоду фотографии получаются лучше, чем на ярком солнце. Мы приехали в кампус. Я водила за собой Люка, и мне было неловко.

— Покажи мне все, — велел он. — Каждую аудиторию, любимый стол в библиотеке, любимую скамейку во дворе, зал, где ты защищала диссертацию. Устрой мне экскурсию по своей докторантуре и расскажи, почему она тебе так понравилась.

Чем дольше мы гуляли по кампусу и чем больше разговаривали, тем быстрее я забывала, что Люк снимает. Фотосессия шла четыре часа, а потом плавно перетекла в ужин — за мой счет. Я настояла.

Вот фото того дня: я иду по коридору своего факультета, смотрю на полку с монографиями, крепко обнимаю свою диссертацию в зале, где ее защищала, ищу книги в библиотеке, в секции социологии, разговариваю с некоторыми любимыми профессорами... И еще замечательный и радостный кадр: я и мой научный руководитель. Снимки получились забавные, веселые и очень «мои». Увидев их, я даже глазам не поверила. Лучшие Люк собрал в альбом с надписью на обложке: «Моим родителям с любовью, Роуз Наполитано, доктор наук».

Мама и папа уселись с альбомом на диван. Они спрашивали меня о каждой фотографии, а я рассказывала.

— Солнышко, эта — моя любимая, — улыбнулся папа, показывая на фотографию со мной и моим научным руководителем. — Может, вытащим ее? Я сделаю рамку, и мы повесим фото в гостиной.

Я пригласила Люка еще раз на ужин, чтобы отблагодарить за усердные старания, за то, что сотворил нечто особенное и помог моим родителям лучше понять, кем стала их дочь. Ну и вообще... мне хотелось увидеть его снова.

Я рассказала, что альбом очень понравился маме и папе — они задали мне кучу вопросов о докторантуре, — и Люк кивнул.

— Я не слишком-то люблю портреты, — сказал он. — Мне кажется, лучшие фотографии — те, где мы просто живем и находимся в комфортной обстановке, в которой больше всего похожи на самих себя. А для тебя это — твой университет, Роуз.

Я взглянула на Люка. Я уже его любила.

Мой муж кладет последнюю пару джинсов поверх остальных вещей и застегивает чемодан.

— Куда ты пойдешь? — удается выдать мне. В горле совсем пересохло.

Тело обмякает, горбится, будто что-то притягивает его к полу, плечи скрючиваются, шея клонится.

Люк смотрит на свой чемодан, на блестящую темно-синюю искусственную кожу.

— Я не могу, Роуз. Просто не могу.

— Что не можешь?

— Не могу остаться. Не могу быть твоим мужем.

Я тут же резко выпрямляюсь — колени, плечи, бугры позвоночника вдоль спины; напрягаются локти, запястья, пальцы.

— Ты бросаешь меня из-за банки витаминов?

Люк поворачивается ко мне, внимательно смотрит. Этот взгляд я много раз видела в прошлом году. В нем

ощущение собственной правоты, решимость и горечь из-за женитьбы на женщине, которая отказывается принести все в жертву ребенку.

А цена этой жертвы, как я теперь понимаю, — Люк.

— Нет. Я уйду, потому что хочу ребенка, а ты нет, и я не знаю, как это уладить.

— Раньше мы друг друга понимали, — покоряясь, глухо отвечаю я. — Ты меня понимал.

Люк с трудом сглатывает. И слегка покачивает головой. С громким стуком он снимает чемодан с кровати на пол. Берется за ручку, наклоняет и катит за собой к выходу из комнаты.

Я иду следом, но словно плыву, точно не знаю, мое тело и разум будто существуют отдельно друг от друга. Но двигаюсь — уж в этом я уверена. Иду вслед за Люком через гостиную, потом мимо длинного кухонного острова, который мы установили два года назад, ведь я люблю готовить, и мне необходимо было больше пространства для этого занятия.

И вот Люк уже в тесном коридоре у входной двери. Сует ноги в ботинки, берется за замок и с громким щелчком его поворачивает.

— Пока, Роуз, — говорит он, стоя спиной ко мне.

Светло-голубая рубашка мужа с длинными рукавами будто флаг капитуляции, сигнализирующий, что это конец. Битва подошла к концу.

— Куда ты? — спрашиваю я снова.

— Да какая разница, — только и отвечает Люк.

Затем я наблюдаю, как он выходит за металлическую дверь нашей квартиры, и створка за ним закрывается. Слышу, как щелкает замок, как поднимается на наш

этаж лифт, дверцы открываются, раздаются шаги Люка, и лифт с жужжанием уносит его в вестибюль, а затем наступает тишина, бесконечная тишина. Ни шагов, ни жужжания лифта, ни гула колес чемодана, что катятся по деревянным половицам и бетонному полу.

Это белый шум одиночества, гул тишины после ухода мужа, когда тебя бросили и у тебя осталась только работа. Этот звук означает, что я не мать, что я отказалась от материнства, — такова тишина моего будущего. Пройдет много времени, прежде чем я с ней свыknусь.

ГЛАВА 4

22 сентября 2004 года

Роуз, жизни I–9

— Роуз, давай кое-что обсудим... — говорит Люк, забрасывая в рот очередной ролл с тунцом. Муж держит палочки наготове, чтобы подхватить следующий.

Роллы с тунцом — его любимые. Пряные хрустящие, не хрустящие, рисом наружу, рисом внутрь. Иногда Люк ничего кроме них не заказывает.

— Сет пряных, сет обычных и... еще один сет обычных, — сообщает он официанту.

Меня всегда забавляет такой заказ, а потом мы смеемся вместе.

Одна из глупых привычек, которые ты любишь в человеке просто потому, что он самый дорогой на свете.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

